

А.Ю. Мамычев¹

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Цзоу Лихуэй²

Хэйлунцзянский государственный технологический университет
Цзиси. Китай

Проблематизация коррупции и антикоррупционная политика в современном китайском обществе: научный и официальный политико-правовой дискурсы*

Предметом исследования выступили официальные и научные трактовки коррупции и коррупционного взаимодействия в современном китайском обществе, а также ключевые направления и формы антикоррупционной политики в Китае. Авторы используют в работе «метод проблематизации», обосновывая, что специфика понимания и интерпретации базовых проблем и противоречий общественного развития, а также практика их решения во многом обуславливают конкретно-исторический тип политико-правового мышления общества и направленность государственной политики. В работе реализуется «междисциплинарная оптика» к рассмотрению коррупции, ее универсальных и социокультурных характеристик.

В качестве эмпирической основы исследования выступили современные официальные позиции, аналитические материалы, теоретико-концептуальные версии и исследовательские подходы, в которых проблематизируются формы и практики коррупционного взаимодействия в Китае. Кроме того, работа опирается, главным образом, на китайские источники и эмпирические данные, которые были получены авторами в ходе бесед и интервьюирования (преимущественно экспертного опроса).

Обсуждаются официальные и научные трактовки коррупции, анализируются основные дефиниции последней, а также формы практической борьбы и социально-правовые технологии превенции коррупционного взаимодействия.

Ключевые слова и словосочетания: антикоррупционная политика, государство, законодательство, коррупция, нравственные стандарты, общество, право, публично-властная практика, юридическая ответственность.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-33-00034 (a1)

¹ Мамычев Алексей Юрьевич – д-р полит. наук, канд. юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории российского и зарубежного права Института права; e-mail: aleksey.mamychev@vvsu.ru. Mamychev A.Yu. – doctor of political sciences, candidate of Law Sciences, associate professor, Head Of The Department Of The Theory And History Russian And Foreign Law.

² Цзоу Лихуэй – канд. полит. наук, руководитель международного отдела, Хэйлунцзянский государственный технологический университет. Zou Lihui – candidate of political sciences, Head of the international department, Heilongjiang University of Technology.

A.Yu. Mamychyev

Vladivostok State University of Economics and Service

Vladivostok. Russia

Zou Lihui

Heilongjiang University of Technology

Jixi. China

Problematization of corruption and anti-corruption policy in modern Chinese society: scientific and official political and legal discourses

As an object of research official and scientific interpretations of corruption and corruption interaction in modern Chinese society and also the key directions and forms of anti-corruption policy in China acted. Authors use "a problematization method" in work, proving that specifics of understanding and interpretation of basic problems and contradictions of social development and also practice of their decision, in many respects cause concrete historical type of political and legal thinking of society and orientation of public policy. In work cross-disciplinary approach to consideration of corruption, its universal and cultural characteristics is implemented.

Modern official positions, analytical materials, teoretiko-conceptual versions and research approaches in which they problematizirutsya a form and practice of corruption interaction in China acted as an empirical basis of a research. Besides, work leans, mainly, on the Chinese sources and empirical data which were obtained by authors during the conversations and interviewing (mainly expert poll).

In the content of work official and scientific interpretations of corruption are discussed, it is analyzed the main definitions of the last and also forms of practical fight and social and legal technologies of prevention of corruption interaction.

Keywords: anti-corruption policy, state, legislation, corruption, moral standards, society, right, public and imperious practice, legal responsibility.

Введение

Коррупция как социальный феномен, конечно, имеет достаточно длительную историю развития, сопровождает человечество на каждом этапе эволюции государственно-правовой организации общества. Изменяются общественные системы, появляются новые сферы социальных отношений, усложняются традиционные практики публично-властного взаимодействия, и вместе с этими общими трансформациями изменяется и усложняется феномен коррупции. В различные времена и эпохи коррупционное взаимодействие по-разному именовалось и характеризовалось, меняло социально-культурные «маски», но сохраняло общую направленность. Не случайно, в этом плане при исследовании последнего всегда выделяются универсальные, конкретно-исторические и социально-культурные характеристики и особенности, без учета которых теоретико-концептуальное описание и практические формы противодействия коррупционному взаимодействию будут неполными, а программы по ее политико-правовой превенции – неадекватными.

Однако при всем этом о коррупции как о фундаментальном вызове современности заговорили только в конце XX века. Многие связывают последнее с развитием особой формы социально-экономической жизнедеятельности (капита-

листической) и распространением специфических моделей отношений (рыночных), пронизывающих все уровни и виды социального взаимодействия, в том числе и публично-властное пространство. Другие связывают последнее с «ослаблением» ценностно-нормативных регуляторов и духовно-нравственных стандартов общественного взаимодействия (религии, обычаев, традиций, морали и проч.), традиционно сдерживающих человеческие пороки (алчность, наживу, ростовщичество и др.). Третьи говорят о «переформатировании» фундаментальных скреп общественной целостности: базовых систем – социального доверия и долга; социально-политического единства – идеократических, национальных, культурных основ жизнедеятельности человека и общества.

Не вступая в эту дискуссию, которая сама по себе требует отдельного и комплексного исследования, отметим, что проблематика коррупции сегодня, как в рамках исследовательской практики, так и в контексте политической динамики и правового развития общества, является ведущей. основополагающий характер последней в публично-властной организации отражен в политической повестке практически любого общества, так и в действующих доктринально-правовых актах большинства современных государств, где борьба с коррупцией, формы юридической и иной превенции коррупционного взаимодействия обозначены в качестве приоритетных направлений правовой политики, «основной заботы» общественных институций.

Все вышесказанной в полной мере можно отнести и к борьбе с коррупцией в Китае, которая стала достаточно недавно ключевым направлением государственной политики, несменяемой (устойчивой) официальной политической повесткой дня. Заметим, что в современном китайском обществе можно условно выделить два этапа антикоррупционной политики.

Первый этап связан с проявлением политической воли и «публично-правовой маркировкой» темы коррупции как основополагающей проблемы динамического развития китайского общества и его различных сфер жизнедеятельности («экономический рывок», «совершенствование государственного управления», «политическая стабильность», «изменение геополитического статуса» и т.д.).

На данном этапе (2012 – 2015 гг. – принятие нового антикоррупционного курса на XVIII съезде Коммунистической партии КНР и приход к власти Си Цзиньпина до его доклада на XIX съезде КПК, на котором была принята «обновленная» антикоррупционная программа) коррупция провозглашается официально как вызов всей Партии, государству и народу. Здесь формируется политическая метафора, отражающая ключевой принцип борьбы с коррупцией – «одновременно бить и тигров, и мух», т.е. беспрецедентная решимость китайского руководства выявлять, противодействовать и карать за коррупционные отношения как представителей высших эшелонов власти, так и чиновников среднего и низшего звена.

Именно политическая воля способствовала кардинальному переходу от метаюридической (превалирование идеократических доминант в публично-властной жизнедеятельности, прежде всего, конфуцианской ценностно-нормативной системы) и моральной (нравственное осуждение, этические требования и т.д.) превенции развитию коррупционного взаимодействия к жесткому институционально-норма-

тивному ограничению; а также от временных (эпизодических и фрагментарных практик борьбы с коррупционерами) к системным действиям, к формированию целостного антикоррупционного курса в стране, конкретных программ и мероприятий, способствующих реализации этого курса.

Представляя экспертную оценку в изменении коррупционной повестки дня правительства Китая в данный период, профессор права Народного университета и член Специального консультативного комитета Верховной народной прокуратуры Китая Хэ Цзяхун констатирует, что произошел резкий «переход от призывов к морали к жесткому регулированию». Если традиционно политика китайского руководства, по мнению профессора, «путем лекций и нравоучений призвала государственных чиновников честно служить на благо китайского народа», то с приходом Си Цзиньпина был взят курс на активное действие: «высшее руководство страны выпустило целый свод правил, ограничивающих всякого рода расходы на официальных лиц и призванных привить чиновникам скромный и экономный образ жизни» [1]. Кроме того, этот этап связан с целой серией реформ государственной службы и административного управления, системы государственного надзора и контроля, были изменены правила, нормативы расходования государственных средств и т.д.

Второй этап связан с «обновленным» антикоррупционным курсом и новыми приоритетами, стратегическими целями и текущими задачами коррупционной борьбы, которые были озвучены Си Цзиньпином в докладе на XIX съезде КПК. Основная часть настоящей статьи посвящена рассмотрению именно данного этапа антикоррупционной политики в Китае, обсуждению ключевых принципов и направлений борьбы с коррупцией, а также форм и технологий социально-правовой превенции коррупционного взаимодействия. При этом основной акцент будет сделан, с одной стороны, на исследовательские подходы, предлагаемые доктринально-программные положения, сформированные китайскими учеными, с другой – на официальные позиции и оценки антикоррупционной деятельности, ключевые направления превенции и борьбы с коррупцией, зафиксированные в официальных документах.

В то же время следует сразу подчеркнуть, что обозначение современного этапа антикоррупционной политики в качестве «нового» является достаточно условным, поскольку этот «новый этап борьбы с коррупцией» не мыслим без идейно-концептуальной и организационно-практической преемственности с предшествующим этапом и общей идеократической основой развития китайского общества, о чем речь пойдет ниже.

Методы и материалы

Итак, коррупция как социальный, юридический, политический, экономический и культурный феномен выступает *основной проблематикой* современной публично-властной организации. В этом плане можно согласиться с известным французским историком и философом М. Фуко: *что системно проблематизируется в конкретном обществе, то и является основанием* его политического мировоззрения и государственной рациональности, ключевым элементом публичных дискурсов и общественной практики. Этот методологический принцип означает, что исследователь

анализирует «не поведения, не идеи, не общества и их “идеологии”, но *проблематизации*, через которые бытие дается как то, что может и должно быть помыслено, а также – *практики*, исходя из которых эти проблематизации формируются» [2, с. 228].

Соответственно, от того, какое место коррупция занимает в публичном дискурсе (например, как часто она упоминается в официальном дискурсе или как часто проблемы общества, власти, государства связываются с ней), можно во многом судить о специфике современного политико-правового мышления и направленности государственной практики. Иными словами, специфика обыденной и научной трактовки коррупции, ее содержательная фиксация в легальных дефинициях, а также используемые формы практической борьбы и социально-правовые технологии превенции коррупционному взаимодействию в своей совокупности характеризуют стиль юридической, политической, экономической и иной деятельности, отражают базовые характеристики конкретно-исторического мировоззрения и типа государственной рациональности [3].

Кроме того, при проведении исследования мы опирались на теоретико-методологические положения нового институционализма, разрабатываемого в работах таких авторов, как П. Дж. Димаджио, Дж. Марч, Д. Нортон, Дж. Олсон, Р. Тейлор, Дж. Уоллис, О. Фаворо, П. Халл, Ф. Эмар-Дюверне и др., которые рассматривают политические, юридические, экономические и иные институты в «широком», междисциплинарном исследовательском контексте. Так, с одной стороны, они трактуются в качестве формальных правил, нормативных моделей, процедур и норм; а с другой – как сложные символические системы, мировоззренческие установки и когнитивные сценарии, специфические социокультурные и духовно-нравственные модели, стандарты и образцы, организующие и управляющие мыслью деятелями акторов. Такой подход наиболее правомерен для адекватного (комплексного и междисциплинарного) описания универсальных и социокультурных характеристик того или иного феномена общественной жизни.

Необходимо также отметить, что в рамках настоящей статьи рассматриваются преимущественно современные официальные позиции, аналитические материалы, теоретико-концептуальные версии и исследовательские подходы, в которых проблематизируются современные формы и практики коррупционного взаимодействия в Китае. В статье используются главным образом китайские источники и эмпирические данные, которые были получены авторами в ходе бесед и интервьюирования (преимущественно экспертного опроса).

Основная часть

1. Теоретико-концептуальные трактовки коррупции и коррупционного взаимодействия китайскими учеными. Коррупционное взаимодействие трактуется китайскими исследователями в качестве социально негативного явления, имеющего сложный и комплексный характер.

В целом коррупция рассматривается в двух основных аспектах: *в широком* – в качестве негативного социально-политического и внеправового феномена; *в узком* – как противоправные деяния и антинародные акты публичной власти,

т.е. противоречащие не только действующему китайскому праву, но и интересам государства и общества.

1.1. В первом аспекте коррупционное взаимодействие содержательно интерпретируется в качестве системы разнообразных форм и практик, направленных на трансформацию или точнее – деформацию публичной власти, т.е. искажающих сущность, роль, назначение и задачи публично-властной деятельности. Иными словами, коррупция ведёт к сущностной деформации публичной власти и к серьёзным институциональным искажениям, когда публично-властные институты не реализуют свои базовые функции, правовые полномочия и социальные ожидания.

Искажение публично-властной динамики заключается в том, что базовые характеристики и социальные функции властных институций, обусловленных необходимостью консолидации, репрезентации и реализации народных интересов [4, с. 35–53], трансформируются в неправую, антинародную и теневую деятельность, связанную с реализацией личных и (или) корпоративных интересов, выгод, преимуществ и т.д., наносящую значительный ущерб личности, обществу, государству, социально-политическому единству в целом.

В узком смысле коррупция трактуется как «акт государственной власти» (реализуемый, например, должностным лицом), осуществляемый для получения частных (личных или групповых) выгод, нарушающий режим законности и наносящий ущерб государству [5, с. 115]. Данный аспект отражает сложившуюся мировую практику исследования коррупционного взаимодействия, в контексте которой внимание акцентируется на формально-юридических (нарушение режима законности, состояния и уровня правопорядка в обществе) и институционально-нормативных характеристиках властно-правовой деятельности отдельных органов, должностных лиц, их взаимодействия с общественными институтами.

Чжу Фуэн, Цао Вэй считают, что коррупция относится, прежде всего, к политической элите, властному меньшинству, т.е. обладающим публичной властью, потенциальной возможностью принимать социально значимые управленческие решения. Чу Вэнькай, напротив, доказывает, что коррупцию следует рассматривать в широком общественном контексте, вовлекая в анализ коррупционного взаимодействия всех субъектов, кто так или иначе связан с отпращиванием публичной власти. Именно такой подход, по мнению китайского исследователя обеспечит эффективность антикоррупционного механизма, социальной и юридической превенции условий развития данного негативного феномена [5, с. 116].

Ряд китайских ученых и политических аналитиков при исследовании коррупции акцентируют внимание на негативных с точки зрения нормального и справедливого развития общества и государства *коммуникативных формах обмена*, в которые вовлекаются через неправые и теневые практики властные ресурсы (материального и символического характера). Так, Хуан Бай Лян полагает, что любая коррупция является формой злоупотребления государственной властью, связанного с ненадлежащим (социально негативным, противоправным) обменом личных или групповых интересов, наносящего значительный ущерб обществу и государству [5, с. 116].

При этом коррупционные практики анализируются на институциональном и неинституциональном (сетевом, неформальном, теневом) уровнях. С одной стороны, такой ракурс рассмотрения коррупции позволяет комплексно формировать программы по противодействию *развитию внеправового и теневого пространства* взаимодействия различных акторов, которые «слабо уловимы» на уровне неустоявшихся (не сложившихся в качестве устойчивых теневых институций) форм и схем коррупционного взаимодействия.

С другой стороны, эффективно противодействовать коррупции и на уровне уже устойчивых и воспроизводящихся форм и способов коррупционных отношений в системе государственной власти, которые зачастую используются не только в индивидуальных или коллективных (групповых) целях, но и в политической борьбе. Например, в этом контексте отмечает профессор права Народного университета Хэ Цзяхун: «надо понимать, что коррупция в Китае всегда была очень серьезной проблемой. И речь идет не только о коррупции на индивидуальном уровне, но и на социальном, и институциональном. Во всех эшелонах власти есть коррумпированные чиновники, которые, возможно, начнут плести интриги, используя антикоррупционную кампанию в политической борьбе, прикрывая своих сообщников и обвиняя оппонентов» [6].

1.2. Другая группа китайских ученых проблематизирует качество самих публично-властных и управленческих отношений. В этом плане отмечается, что ключевая проблема в распространении коррупции связана, прежде всего, с функционированием самой системы государственной власти, формируемой и развивающейся в рамках последних негативных властных практик.

Развитие данных практик, по мнению китайских исследователей, связано, главным образом, с искажением профессиональных и нравственных стандартов деятельности, а также деформацией правосознания должностных лиц, ценностно-нормативных и партийно-идеологических оснований властной деятельности. Лю Юлан считает, что коррупция – это, прежде всего, ухудшение качества самой власти, где в системе государственного управления распространяются негативные (с точки зрения развития общества и государства) практики реализации властных полномочий, *с одной стороны*, сама эта власть трансформируется на уровне межсубъектного или группового взаимодействия в частное право корыстных лиц; а, *с другой* – происходит конвергенция (смешивание, сращивание) властных, экономических и статусных (символических) возможностей и ресурсов [5, с. 115].

1.3. В свою очередь, сложность коррупции как социально-экономического и политико-правового феномена обосновывается тем, что последний постоянно изменяется. Коррупционное взаимодействие достаточно подвижная и динамичная практика, приобретающая сегодня формы *сетевого взаимодействия*. Борьба с ней весьма затруднена в силу того, что в современном обществе изменения стремительны, поэтому антикоррупционная деятельность всегда должна учитывать постоянную эволюцию форм, видов и практик коррупционных отношений. Эта эволюция активизируется как под воздействием современных социально-политических трансформаций, так и благодаря развитию инновационных форм социальной коммуникации, технологий интерактивного обмена и проч.

В этом плане стремительные и кардинальные трансформации в системе публично-властного управления, которые были характерны для последних десятилетий развития системы государственной власти и китайского общества в целом, обострили ряд «классических» проблем сформировали комплекс совершенно новых противоречий в публично-властных отношениях. Так, например, Ван Хунин полагает, что последние институциональные трансформации в системе властных отношений породили «новые коррупционные вызовы» и «нестандартные траектории» развития коррупционного взаимодействия [7, с. 7].

2. Причины и условия развития коррупционного взаимодействия. Ключевым фактором развития коррупции в китайском обществе, по мнению многих исследователей, является недостаточный уровень эффективности антикоррупционного механизма. Эта оценка относится как к функционирующим официальным антикоррупционным агентствам и государственным механизмам институционально-нормативной превенции коррупционного взаимодействия, так и к формам и технологиям публичного контроля, прежде всего, социального контроля и общественного надзора.

2.1. Го Юн отмечает в аспекте низкой эффективности официальных публично-властных антикоррупционных механизмов, что у нынешних антикоррупционных агентств есть ряд недостатков, существенно снижающих уровень эффективности их функционирования: *во-первых*, система приема и обработки жалоб не идеальна, она не обладает закрытостью, а осведомители легко идентифицируются; *во-вторых*, достаточно слабо реализуется система внутреннего надзора и аудиторского контроля за работой правительства [8, с. 840–41].

Жен Цзяньмин считает, что в настоящее время административно-правовые режимы и процессуальное право Китая по-прежнему не безупречны, требуют своего развития и совершенства. Более того, необходима, по его мнению, целенаправленная и системная деятельность по совершенствованию действующего китайского законодательства (как материального, так и процессуального права). Ученый отмечает, что назрела необходимость разработки нормативно-правовых актов, которые бы четко фиксировали «границу функционирования власти», «пределы государственного вмешательства», «области государственного регулирования», а также устанавливали «публичный режим взаимодействия», «области открытости и режимы информированности» (режимы транспарентности государственной власти [9, с. 59]) и др. В рассматриваемом аспекте Жен Цзяньмин предлагает принятие целого антикоррупционного пакета нормативно-правовых актов: «Закон о публичной информации Китайской Народной Республики», «Закон о предотвращении конфликта интересов», «Закон о прессе», «Закон о чистом правительстве» и т.д. [10].

Многие китайские исследователи отмечают фрагментарность в борьбе с коррупцией и отсутствие целостной антикоррупционной стратегии. Так, Чжан Хуйсин считает, что в настоящее время в Китае по-прежнему существует системный разрыв в некоторых принципиально важных областях реализации данной политики [11, с. 5]. Ди Сяохуа, рассматривая различные антикоррупционные формы и механизмы, констатирует отсутствие корреляции между ними и возникновение системного эффекта от действия последних [12, с. 95].

2.2. В свою очередь, другой известный китайский исследователь Ли Цзинчжи отмечает, что в настоящий момент нет комплексной деятельности по надзору за реализацией публичной власти как по вертикали (сверху-вниз и снизу-вверх), так и по горизонтали (социальные формы противодействия коррупции) межличностного и межгруппового взаимного и ответственного общественного надзора.

Распространение коррупции, по убеждению Ли Цзинчжи, требует совершенствования не только горизонтальных механизмов надзора и контроля (деятельность официальных антикоррупционных механизмов), но и публичных технологий «*параллельного наблюдения*» (формы и технологии общественного надзора). Только гармоничное и системное взаимодействие этих двух элементов, по заключению китайского исследователя, может «обуздать коррупцию в ее источнике», эффективно «противостоять причинам и условиям ее разрастания» [13, с. 4–6].

Здесь следует сделать важное замечание, которое связано с тем, что китайские ученые делают ключевой акцент не на технологиях всеохватывающего и тотального административного надзора за публично-властной деятельностью, напротив, аргументируют формирование и реализацию системы, прежде всего, метаюридических стандартов и требований (идеократических, нравственных, духовных, социальных) к таковой деятельности и, что важно, к ее социально значимым результатам.

Эта система социального контроля и общественного надзора объединяет (гармонизирует, обеспечивает содействие для достижения общей цели) как официальные формы и технологии юридико-политической превенции коррупционного взаимодействия, так и общественные антикоррупционные формы, «укладывающиеся» в общую стратегию построения справедливого общества. «Параллельное наблюдение» – это скорее социальная форма *общего «служения»* народному благу, а также технология контроля и общественного надзора за реализацией публичных функций ради интересов народа и возрождения китайской нации (эпоха Фу син или эпоха возрождения – формулировка, взятая у Конфуция, его идеи «китайской мечты о великом возрождении китайской нации» и являются официальной «идеократическим основанием» развития государственно-правовой организации китайского общества в XXI веке [14]).

Думается, что именно идея *взаимного действия* («параллельного наблюдения») и *общего служения* (народному благу и возрождению китайской нации), реализуемая как в самоконтроле/самодисциплине при реализации публичной власти, так и в общественном надзоре/контроле за функционированием государственной власти, отдельных должностных лиц, является ключевой в антикоррупционной стратегии китайского общества. Она формирует совместно с официальным антикоррупционным механизмом сложную и комплексную систему противодействия стремительно эволюционирующим формам коррупции.

В этом аспекте Сы Ян обосновывает необходимость формирования «интегральной стратегии» и «комплексных действий», направленных, с одной стороны, на превенцию коррупционного взаимодействия, а с другой – на борьбу с уже имеющейся коррупцией. Последние по убеждению китайского аналитика должны реализовываться в трёх взаимосвязанных направлениях:

1) усиление юридической и деонтологической регламентации публично-властной деятельности, в том числе ответственности представителей власти при допущении конфликтов интересов, развитие внеправовых или теневых отношений и т.д.;

2) создание и развитие эффективных механизмов общественного контроля и надзора за функционированием институтов публичной власти и социальными результатами ее деятельности;

3) формирование и укрепление ответственного стиля поведения и культуры нетерпимости к коррупционерам, теневым (неформальным, внеправовым и иным) видам решения вопросов, противоречий и конфликтов [15].

Китайские исследователи и политические аналитики солидарны в том, что формально-юридический механизм контроля в целом является достаточно ограниченным в борьбе с коррупционным взаимодействием (как сложным и комплексным социальным феноменом). Причем в ряде случаев, по справедливому замечанию Ху Ангана, высокая степень государственного контроля и регулирования сама по себе может стать причиной развития коррупции [16].

3. Официальные оценки антикоррупционной деятельности и основные направления превенции и борьбы с коррупцией. В целом, несмотря на обсуждаемые недостатки и критические оценки некоторых направлений антикоррупционной политики, Китай в последние десятилетия добился существенных результатов в борьбе с коррупцией, обеспечил более справедливое распределение финансовых ресурсов, усовершенствовал систему расходования и контроля государственных средств, существенно повысил ответственность государственного аппарата и чиновников перед народом.

3.1. В целом за последнее время борьба с коррупцией приобрела системный и массовый характер. Так, согласно статистическим данным и аналитическим отчётам Бюро по борьбе с коррупцией и взяточничеством при Верховной народной прокуратуре, ежегодно к уголовной ответственности привлекаются тысячи чиновников. За последние десятилетия к высшей мере уголовного наказания было приговорено более 10 тысяч человек. Однако следует отметить, что согласно действующему китайскому законодательству назначить высшую меру не означает «автоматически» приговорить коррупционера к казни/расстрелу [17].

Кроме того, с 2013 года основной акцент в уголовном преследовании коррупционной деятельности был перенесён со строгости юридических последствий на совершенствование следственной деятельности и процессуальной стороны дела, т.е. с суровости уголовного наказания на тщательное расследование преступлений и соблюдение процессуальных норм. Как отмечает профессор Хэ Цзяхун, в современном Китае «высшая мера наказания применяется намного реже, вместо этого власти проводят тщательные государственные расследования с целью выявления фактов коррупции и предотвращения подобных преступлений в будущем. Власти частенько посылают инспекционные комиссии и проверки во многие государственные учреждения – заводы, университеты, больницы» [18].

Поэтому образ массового расстрела чиновников в Китае – это в большей степени «медийный миф», который лишь отчасти соответствует реальной практике

борьбы с коррупцией. Например, исполнение приговора может быть отложено на весьма длительный срок (китайским процессуальным правом не регламентируются такие сроки) или заменено на пожизненное. За последние 10 лет, например, не один высокопоставленный чиновник за воровство не был расстрелян, высшая мера как правило, применяется в исключительных случаях, при существенном нанесении ущерба государству и народным интересам [18].

3.2. В настоящий момент в китайском обществе наступает новый этап развития системы социально-правовой превенции коррупционного взаимодействия в обществе, а также обозначены «обновленные» приоритетные направления борьбы с самой коррупцией. Данный этап обусловлен, прежде всего, новыми ориентирами развития китайского общества и связанными с ними ключевыми стратегическими и текущими задачами (на ближайшую пятилетку). Так, Си Цзиньпин на XIX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая провозгласил начало «новой эры», «эпохи Фу син», которая знаменует новую модель социально-экономического и государственно-правового развития. Это направленность на «великую победу социализма с китайской спецификой в новую эпоху» и неустанную борьбу «за реализацию китайской мечты о великом возрождении китайской нации» [14].

В рамках данного этапа обозначаются и содержательно формулируются новые принципы борьбы с коррупцией. Конечно, это не принципиально новые, а именно «обновленные принципы», с иной расстановкой акцентов. Здесь не только делается главный упор на жесткие формы борьбы с коррупцией, но и предлагается целый комплекс социально-этических и метаюридических форм превенции коррупционных проявлений в рамках реализации публичной власти. Следует отметить, что в целом эти принципы и акценты соответствуют разработанным в рамках исследовательских проектов конкретным направлениям борьбы с коррупцией, а также доктринально-программным положениям китайских ученых и политических аналитиков.

Ключевым антикоррупционным принципом на данном этапе выступает следующее: «...в борьбе с коррупцией не должно быть запретных зон, необходим полный охват и нулевая толерантность». Здесь очевидны, по крайней мере, три ключевые стратегические ориентации:

1) формирование, с одной стороны, транспарентного режима функционирования публичной власти, ориентированного на минимизацию теневых отношений в деятельности публичной власти, открытость в функционировании государственных органов и должностных лиц; с другой – реализация антикоррупционной политики и в целом «управление государством при помощи законов» [14];

2) системный и тотальный («полный охват») мониторинг и контроль за реализацией публичной власти, последнее предполагает не только совершенствование политико-правовых форм государственного контроля и «конкретизацию политической ответственности каждой инстанции за внутривластное управление» [14], но и развитые технологии народного надзора за публично-властной активностью и ее социально значимыми результатами, что формирует сложную и комплексную систему противодействия различным формам коррупции;

3) «нулевая толерантность» призвана сформировать режим нетерпимости к любому коррупционному проявлению, «трансформировать» социальную традицию благодарности, поощрения за помощь, теневое стимулирование определенной формы поведения представителей публичной власти и проч. Так, например, Ху Цзиньтао по этому поводу замечает, что многие проявления коррупции «переросли из китайского менталитета». И если не учитывать и не работать с этими устойчивыми предправовыми установками взаимодействия, народными традициями, то борьба с коррупцией будет не эффективна, общество и государство будут постоянно «наступать» на «мины, заложенные под сами социальные устои» [18].

В этом аспекте ключевое значение в развитии «нулевой толерантности» приобретают метаюридические (ценностно-нормативные и социально-этические) стандарты и требования как к самому публично-властному взаимодействию в обществе, так и к результатам деятельности конкретных органов и должностных лиц. В частности, последнее предполагает формирование современных систем юридической и деонтологической (духовно-нравственные и этические стандарты публично-властной деятельности) ответственности, а также развития и массового укоренения особого стиля мыследеятельности, основного: во-первых, на ответственности перед китайским народом, принципах солидаризма и социального служения великим целям («великой китайской мечте», «возрождению китайской нации» и т.п.); во-вторых, на нетерпимости к неформальным, теневым и коррупционным практикам решения частных, групповых или корпоративных интересов и потребностей, иных вопросов возникающих в системе публично-властного взаимодействия.

3.3. Ответственный стиль поведения и социальная нетерпимость к коррупционным отношениям, как отмечалось выше, связаны с общей идеократической направленностью на возрождение китайской нации, на создание благоприятных социально-экономических условий жизнедеятельности китайского общества, на «служивый характер» публично-властных органов и должностных лиц («конечной целью Коммунистической партии Китая является беззаветное служение народу»). Эта общая «историческая ответственность за национальное возрождение», которая позволяет «сообща наслаждаться величием и славой процветающей, богатой и могущественной Отчизны» [19, с. 35–53].

Последнее определяет и сложную систему ответственности в рамках реализации китайской антикоррупционной политики, которая не сводится к типичным форматам верховенства права при реализации публичной власти и юридической ответственности должностных лиц, характерным для многих зарубежных правовых государств. Данная система представлена в отдельных, но пересекающихся формах социальной ответственности, *которые формируют относительно самостоятельные режимы «ответственного стиля поведения», сходящиеся вместе на уровне общего идеократического принципа.*

Причём «разграничение сфер ответственности» не только ведет к формированию социальных, политических, правовых и иных гарантий возрождения и величия китайского общества, но и способствует развитию различных направлений, «обеспечивающих устойчивое развитие» в тех или иных сферах публично-властного

взаимодействия, а также достижению совместного кумулятивного эффекта, т.е. усилению друг друга, формирование стабильного «могущества Отчизны».

К таковым режимам ответственного стиля поведения относятся идеологическая ответственность и партийная дисциплина, политическая и юридическая ответственность, социально-культурный и этический долг. В своем различии и взаимодействии они формируют «систему ответственности за идеологическую работу, интенсифицируют выработку идеологических позиций и усиливают их управление», обеспечивают «разграничение вопросов, касающихся политических принципов, идеологического сознания и научных точек зрения», противодействуют разного рода «негативным социальным явлениям» и «ошибочным взглядам» [14].

Примером такого взаимного усиления может выступать система правосудия, которая реализует не только режим юридической ответственности за противоправное поведение, но и социально-этическое осуждение за антинародное поведение, нарушающее нравственные стандарты. В мировоззрении китайского общества юридическая ответственность в сфере правосудия должна вести к справедливости, где последняя трактуется шире режима законности (законность – высшая форма справедливости) и выражает социально-этические требования с человека и обществу. Эти разные режимы «ответственности в сфере правосудия», направлена на «усилия к тому, чтобы в решении каждого судебного дела народные массы чувствовали равенство и справедливость» [14].

Выводы

Таким образом, борьба с коррупцией в Китае сохраняет свой официальный вектор, ориентированный на «эффект жесткого сдерживания, высокой напряженности и постоянного устрашения» [14], а также продолжение общей стратегической «антикоррупционной линии» развития Китая: «борьба с коррупцией никогда не закончится. Принцип «нулевой терпимости» к коррупции никогда не изменится. Наша решимость, мужество и серьезность борьбы с коррупцией не ослабеют» [20].

При этом акцент делается на институционально-правовые основы антикоррупционной политики и противодействие формированию политических группировок, использующих жесткие инструменты для решения своих узкогрупповых интересов: «твердо стоять на позиции одновременного расследования фактов как взяточничества, так и подкупа, решительно пресекать любые попытки формирования внутри партии группировок интересов» [14].

В качестве приоритетного направления провозглашается развитие и совершенствование антикоррупционного законодательства и «площадок изобличения» правонарушений в сфере публично-властного взаимодействия, в том числе принятие пакета законов, стимулирующих систему практик постоянного контроля за публично-властной деятельностью, а также учитывающих, как отмечалось выше, различные формы (государственный и народный) и уровни (общегосударственный и провинциальный): «следует стимулировать государственное антикоррупционное законодательство, создать площадки изобличения в правонарушающих действиях и представления соответствующих донесений, охватывающие всю систему дис-

циплинарной проверки и контроля. Необходимо наращивать силу устрашения, мощь которой вынудит не осмелиться стать коррупционером» [21].

Следовательно, данные площадки призваны реализовывать как дисциплинарные проверки и партийный контроль, так и различные формы народного контроля, способствующие формированию ответственности (социальной, партийной и юридической) и транспарентного режима функционирования государства, отдельных партийных структур и должностных лиц: «необходимо усиливать организационный контроль «сверху вниз» и улучшать демократический контроль «снизу вверх»... Необходимо углублять политическое инспектирование... создать сеть контроля, в которой налажено взаимодействие между выше- и нижестоящими инспекционными органами. Развертывать по всей стране пилотные проекты в контексте углубления реформы государственной системы контроля, на государственном, провинциальном, городском и уездном уровнях создать контрольные комиссии, работающие на основе объединения служебных обязанностей совместно с партийными органами по проверке дисциплины, - таким образом обеспечить всеохватный контроль над всеми госслужащими, исполняющими публичную власть» [14].

В докладе Си Цзиньпина, в различных официальных документах и публичных выступлениях достаточно часто и четко обозначается проблематика метаюридических оснований антикоррупционной политики, моральных стандартов и требований к публично-властной деятельности и к её социально значимым результатам: «По институциональному строительству в сфере борьбы с коррупцией у меня есть два замечания. Первое – необходимо посадить власть в клетку институтов, а второе – “солнечный свет” – это лучшая мера предосторожности против коррупции» [19, с. 53].

Данные метаюридические основания, которые усиливают и направляют в нужное русло развитие институционально-правовых форм и содержательно наполняют «четыре формы дисциплины» (дисциплина в следовании принципам честности и неподкупности, дисциплина в отношении к народным массам, трудовая и бытовая дисциплина), можно условно разделить на три группы: 1) социальные (интересы китайской нации и государственный интерес); идеократические (партийно-идеологические стандарты деятельности и ответственности); 3) нравственно-духовные (моральные, этические и др.).

Развитие этих деонтологических оснований публично-властного взаимодействия в системе личность – общество – государство должны обеспечивать шесть фундаментальных принципов политико-правового и социально-экономического развития общества: «три строгости и три честности». Три строгости – это строгое следование пути самосовершенствования и саморазвития, строгие и ответственные формы и практики употребления власти, строгая самодисциплина и самоконтроль. В свою очередь «три честности» предполагают «честность в планировании дела, честность в созидательной работе и честность в обращении с людьми» [14].

В целом как научное сообщество, политические аналитики и публичные деятели, так и официальные представители партии демонстрируют единство в понимании ключевых характеристик коррупции и основных приоритетов антикоррупционной политики. Коррупция трактуется в качестве социально негатив-

ного феномена современной жизни китайского общества, имеющего сложный и комплексный характер, который, как правило, анализируется в трёх направлениях: 1) антинародного и антигосударственного социально-политического и внеправового феномена; 2) противоправного деяния, наносящего существенный вред интересам государства и общества, стабильности и устойчивости китайского общества; 3) фактора, деформирующего публично-властную динамику, базовые характеристики и социальные функции властных институций, выражающиеся в неправовой и теневой деятельности, связанной с реализацией личных и (или) корпоративных интересов, выгод, преимуществ.

1. Раси А. Коррупция в Китае: «Бить и тигра, и муху» [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.gbtimes.com/zhizn/korruptsiya-v-kitae-bit-i-tigra-i-muhu>
1. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с.
2. Злоупотребления публичной властью и антикоррупционная политика в современной России: монография / Т.П. Агафонова, И.А. Гдалевич, А.Ю. Мамычев, А.Ю. Мордовцев. М.: Юрлитинформ, 2011. 432 с.
3. 中共中央文献研究室. 习近平关于全面从严治党论述摘编. 中共中央文献出版社 2016年. 页码35-53 页 页数235 (Центр исследований документов ЦК КПК. Си Цзиньпин на усилия по всестороннему и строгому соблюдению партийных выдержек. Изд-во ЦК КПК. 2016).
4. 李燕凌. 我国近年来反腐败问题研究综述 // 中国行政管理. 2011年第11期. 页码115页. (Ли Яньлин. Обзор антикоррупции в Китае в последние годы // Административное управление Китая. 2011. № 11).
5. 10 тысяч чиновников расстреляны в Китае по обвинению в коррупции [Электронный ресурс]. URL: <http://www.24feed.ru/2016/02/4722>
6. 王沪宁. 中国抑制腐败的体制选择//政治学研究. 1995年. 第3期. 页码7页 (Ван Хунин. Системный выбор Китая в борьбе с коррупцией // Исследования в области политологии. 1995. № 3).
7. 过勇. 改进和完善我国反腐败体制机制的政策建议 // 中国监察. 2009 年第11期. 页码 40-41. (Го Юн. Улучшение и совершенствование по политическому предложению системы противодействия коррупции в Китае // Китайское наблюдение. 2009. № 11).
8. 石心. 注重反腐倡廉教育成效 // 科学决策月刊. 2007 年第4期. 页码 59页 (Ши Синь. Обращайте внимание на результаты обучения в области борьбы с коррупцией // Ежемесячник научного решения. 2007. № 4).
9. 任建明. 反腐败制度与创新. 北京: 中国方正出版社, 2012年. 页数416页. (Жен Цзяньмин. Система и инновация по борьбе с коррупцией. Пекин: Изд-во Фанчжэн Китая, 2012. 426 с.).
10. 张惠新. 大力推进反腐倡廉理论和实践创新//中国监察. 2009年第23期. 页码5页. (Чжан Хуйсин. Активно содействие теории борьбы с коррупцией и практике инноваций// Китайское наблюдение. 2009. № 23).

11. 狄小华. 社会转型期的制度反腐机制研究. 南京社会科学. 2012年第3期. 页码95页. (Ди Сяохуа. Исследование борьбы с коррупцией в социальной трансформации // Нанкинские социальные науки. 2012. № 3).
12. 李景治. 强化平行监督机制,从源头上遏制腐败//探索与争鸣. 2013年第2期. 页码 4-6页 (Ли Цзинчжи. Укрепление механизма параллельного надзора: из источника для борьбы с коррупцией // Исследования и дискуссии. 2013. № 2).
13. Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК. [Электронный ресурс]. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm.
14. 斯阳. 反腐倡廉新思考 - 制度·科技·文化. 北京: 法律出版社, 2014 年,页数 366. (Си Ян. Новое мышление борьбы с коррупцией: Система. Наука и техника. Культура. Пекин: Изд-во права, 2014. 366 с.).
15. 胡鞍钢. 中国:挑战腐败. 杭州:浙江人民出版社. 2001年. 页数384. (Ху Анган. Китай: борьба с коррупцией. Ханчжоу: Чжэцзянское Народное издательство, 2001. 384 с.)
16. Китай добился заметных результатов в борьбе с коррупцией в распределении финансовых ресурсов для оказания помощи бедным // Жэньминь жибао. [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0228/c31521-9183554.html>.
17. Борьба с коррупцией в Китае: методы, опыт // FB.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://fb.ru/article/285462/borba-s-korrupsiyey-v-kitae-metodyi-opuyt>.
18. 中共中央文献研究室. 习近平关于全面从严治党论述摘编. 中共中央文献出版社 2016年. 页码 35-53. 页 页数 235 (Центр исследований документов ЦК КПК. Си Цзиньпин за усилие всестороннего и строгого соблюдения партийной выдержки. Изд-во ЦК КПК. 2016. С. 35-53).
19. 习近平.习近平谈治国理政 第二卷. 北京: 外文出版社 2017.年. 页码: 161-168. 页数 569 (Си Цзинпин обсуждает вопросы управления государством. Часть 2. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках. 2017. С. 161-168).
20. Си Цзиньпин отметил необходимость непоколебимо всесторонне устрожать внутривластьное управление, постоянно наращивать потенциал партии в отправлении власти и повышать уровень ее руководства // Жэньминь жибао [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/1019/c31521-9281801.html>

Транслитерация

1. Rasi A. Korrupsiya v Kitae: «Bit' i tigra, i mukhu». URL: <http://ru.gbtimes.com/zhizn/korrupciya-v-kitae-bit-i-tigra-i-muhu>
2. Fuko M. Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let. M.: Kastal', 1996, 448 p.
3. Zloupotrebleniya publichnoi vlast'yu i antikorrupsionnaya politika v sovremennoi Rossii: vonografiya / Agafonova T.P., Gdalevich I.A., Mamychev A.Yu., Mordovtsev A.Yu. M.: Yurlitinform, 2011, 432 p.
4. Tsentr issledovaniy dokumentov TsK KPK. Si Tszin'pin na usiliya po vsestoronnemu i strogomu soblyudeniyu partiinykh vyderzhkek. Izdatel'stvo TsK KPK. 2016.
5. Li Yan'lin. Obzor antikorrupsii v Kitae v poslednie gody, *Administrativnoe upravlenie Kitaya*, 2011, No 11).
6. 10 tysyach chinovnikov rastrelyany v Kitae po obvineniyu v korrupsii. URL: <http://www.24feed.ru/2016/02/4722>

7. Van Khunin. Sistemnyi vybor Kitaya v bor'be s korruptsiei, *Issledovaniya v oblasti politologii*, 1995, No 3.
8. Go Yun. Uluchshenie i sovershenstvovanie po politicheskomu predlozheniyu sistemy protivodeistviya korruptsii v Kitae, *Kitaiskoe nablyudenie*, 2009, No 11.
9. Shi Sin'. Obrashchaite vnimanie na rezul'taty obucheniya v oblasti bor'by s korruptsiei, *Ezhemesyachnik nauchnogo resheniya*, 2007, No 4).
10. Zhen Tszyan'min. Sistema i innovatsiya po bor'be s korruptsiei. Pekin: Izd-vo Fanchzhen Kitaya, 2012, 426 p.
11. Chzhan Khuisin. Aktivno sodeistvie teorii bor'by s korruptsiei i praktike innovatsii, *Kitaiskoe nablyudenie*, 2009, No 23.
12. Di Syaokhua. Issledovanie bor'by s korruptsiei v sotsial'noi transformatsii, *Nankinskie sotsial'nye nauki*, 2012, No 3).
13. Li Tszinchzhi. Ukreplenie mekhanizma parallel'nogo nadzora: iz istochnika dlya bor'by s korruptsiei, *Issledovaniya i diskussii*, 2013, No 2.
14. Polnyi tekst doklada, s kotorym vystupil Si Tszin'pin na 19-m s'ezde KPK. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm.
15. Sy Yan. Novoe myshlenie bor'by s korruptsiei: Sistema. Nauka i tekhnika. Kul'tura. Pekin: Izd-vo prava, 2014, 366 p.
16. Khu Angan. Kitai: bor'ba s korruptsiei. Khanchzhou: Chzhetszyanskoe Narodnoe izdatel'stvo. 2001, 384 p.
17. Kitai dobilsya zametnykh rezul'tatov v bor'be s korruptsiei v raspredelenii finansovykh resursov dlya okazaniya pomoshchi bednym, *Zhen'min' zhibao*. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0228/c31521-9183554.html>.
18. Bor'ba s korruptsiei v Kitae: metody, opyt // FB.ru. URL: <http://fb.ru/article/285462/borba-s-korruptsiei-v-kitae-metodyi-opyt>.
19. Tsentri issledovaniy dokumentov TsK KPK. Si Tszin'pin za usilie vsestoronnego i strogo soblyudeniya partiinoi vyderzhki. Izdatel'stvo TsK KPK. 2016, pp. 35–53, 235 p.
20. Si Tszinpin obsuzhdaet voprosy upravleniya gosudarstvom. Chast' 2. Pekin: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh, 2017, pp. 161–168, 567 p.).
21. Si Tszin'pin otmetil neobkhodimost' nepokolebimo vsestoronne ustrozhat' vnutripartiinoe upravlenie, postoyanno narashchivat' potentsial partii v otravlenii vlasti i povyshat' uroven' ee rukovodstva, *Zhen'min' zhibao*. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/1019/c31521-9281801.html>

© А.Ю. Мамычев, 2018

© Цзоу Лихуэй, 2018

Для цитирования: Мамычев А.Ю., Цзоу Лихуэй. Проблематизация коррупции и антикоррупционная политика в современном китайском обществе: научный и официальный политико-правовой дискурсы // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2018. Т. 10. №3. С. 118–134.

For citation: Mamychyev A.Yu., Zou Lihui. Problematization of corruption and anti-corruption policy in modern Chinese society: scientific and official political and legal discourses, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2018, Vol. 10, No3, pp. 118–134.

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2018-3/118-134

Дата поступления: 16.04.2018.